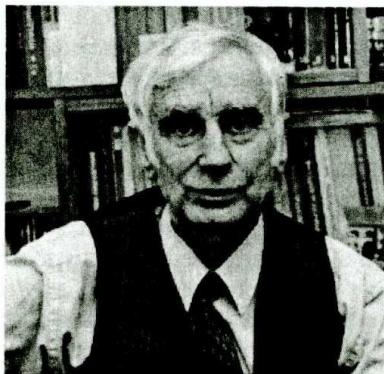

ACTA LINGUISTICA LITHUANICA

LI (2005), 145–151

IN MEMORIAM

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕКМАН

1937 10 25 – 2004 03 17

17 марта 2004 г. после тяжелой болезни умер габилитированный доктор гуманитарных наук, профессор кафедры славянской филологии Вильнюсского университета, директор Центра по изучению негосударственных культур при Историческом факультете ВУ, ответственный редактор научного журнала *Slavistica Vilnensis* (с 1995 г.) Валерий Николаевич Чекман (Чекмонас) – известный славист, автор более 200 научных работ, опубликованных в различных научных изданиях России, Беларуси, Литвы, Польши, Швеции, Норвегии, Македонии, США и др. стран.

Научное сообщество по крайней мере двух стран – Беларуси и Литвы – считают его представителем их национальной науки; и белорусские и литовские коллеги по праву называют его своим.

Валерий Николаевич Чекман родился 25 октября 1937 г. в Черкасской области на Украине, закончил Киевское Суворовское военное училище (1955). Отказавшись от военной карьеры после службы в армии, в 1958 г. поступил на отделение русской филологии Черновицкого университета, но в 1963 г. был вынужден прервать обучение из-за конфликта с преподавателями кафедр истории КПСС, научного коммунизма и военной подготовки. В 1964 г. заочно закончил Ростовский-на-Дону университет, в 1965 г. поступил в аспирантуру в Институт языкоznания им. Я. Коласа Беларусской АН (Минск), в 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему *Развитие противопоставлений твердых и мягких согласных фонем в белорусском языке. Типологическое и сравнительно-историческое исследование*, посвященную проблемам белорусской

диалектологии, до 1979 г. работал в Институте языкоznания старшим научным сотрудником. В 1979 г. переехал в Вильнюс, работал на кафедре русского языка ВУ (до 1989 г.), затем возглавил кафедру славянской филологии. В 1982 г. в МГУ защитил докторскую диссертацию по истории праславянского языка (*Типологические основания реконструкции*), в 1986 г. утвержден в научном звании профессора.

Круг научных интересов профессора В. Чекмана был необычайно широк. Еще в студенческие годы под влиянием своего учителя и друга, в последствии профессора Московского университета, О. Широкова он увлекся индоевропеистикой, с этой целью изучал многие древние и современные языки. Занятия индоевропеистикой в дальнейшем поддержал известнейший специалист в этой области профессор Ростовского-на-Дону университета А. Савченко.

Обучение в аспирантуре в Институте языкоznания Беларусской АН предопределило всю его дальнейшую профессиональную деятельность – основным направлением научной работы стала славистика, точнее, история и диалектология славянских языков и история балто-славянских языковых контактов с древнейших времен до нашего времени, а одним из любимых занятий – полевые исследования белорусско-литовского пограничья и изучение польских кресовых говоров на территории Литвы и Беларуси.

В одной из последних своих работ В. Чекман признался, что на изучение польщины кресовой его „подвиг“ коллега по сектору В. Веренич:

Буквально на другой день после моей защиты в декабре 1968 г. В. Л. (Веренич — Н. М.) подошел ко мне и сказал дружеским тоном, не допускающим возражения — он умел так говорить, внушая почти непреодолимое чувство доверительного послушания, — что я должен как можно скорее отправиться в экспедицию в Литву, и назвал два населенных пункта, польские говоры которых нужно обследовать — *Колесники* (лит. *Kalesninkai*) и *Лаваришки* (лит. *Lavoriškės*). Задание было очень четким — приготовить статью в сборник „Польские говоры в СССР“.

Вскоре после этого разговора (в 1971 г.) была опубликована первая работа В. Чекмана (в соавторстве с К. Гюлумяни) о польском говоре местечка Видзы и его окрестностей, а в 1973 г. появились еще две статьи в упомянутых выше *Польских говорах в СССР*.

Однако знакомство с Литвой состоялось задолго до „направления“ В. Веренича. Литовским языком заинтересовался он еще в студенческие годы, а начиная с лета 1960 г. (по окончании второго курса) три года подряд ездил в Литву в экспедиции изучать литовский язык и литовские говоры. В 1963 г. после исключения из университета было две идеи — поехать в Таджикистан изучать иранские языки или отправиться в Литву и продолжить занятия литовским. Обсудив сложившуюся ситуацию с О. Широковым, он бросил монету — выпало второе. Спустя некоторое время В. Чекман приехал в Литву и устроился на работу в Шюленской восьмилетней школе (Игналинский район) учителем немецкого и русского языков. Здесь проработал около двух лет, активно изучая литовский, а затем и польский языки, здесь же впервые познакомился с местными русскими старообрядцами. В 1965 г. уехал в Латвию изучать латышский язык — несколько месяцев до поступления в аспирантуру работал учителем

в д. Гайни Прейльского р-на Латвии. В эти же годы во время одной из поездок в Вильнюс он познакомился и со своей будущей супругой-литовкой.

Собственно литуанистических работ в научном наследии В. Чекмана немного – это обширная статья по проблемам литовского аканья (1977) и связанные с ней тезисы к VII Международному конгрессу балтистов о лабиализации балтийского *a в литовских говорах, подготовленные совместно с А. Гирдянисом, несколько статей по литовской этимологии, наиболее значительной из которых представляется работа о лит. *gudas* (1999).

Много внимания, времени и сил отдал изучению белорусско-литовского пограничья. Его интересовали прежде всего литовские говоры в Беларуси (особенно Рамашканский остров) и белорусские говоры в Литве (Пеляса и др.) – вопросы функционирования языков в этих зонах, межязыковая интерференция и проблемы заимствований.

В методологическом плане следует отметить опубликованную совместно с Л. Грумадене программу по изучению и описанию социолингвистической ситуации (1997), в которой был обобщен многолетний экспедиционный опыт в различных регионах Литвы.

Более весомым является вклад В. Чекмана в прикладную литуанистику. Он редактировал второе, исправленное и дополненное издание фундаментального литовско-русского словаря А. Либериса (Lyberis A., *Lietuvių-rusų kalbių žodynas*, Vilnius, 1988; третье издание – 2002), принимал участие в подготовке русского издания академической *Грамматики литовского языка* (Вильнюс, 1985). Однако самой большой его заслугой является создание совместно с супругой И. Адомавичюте-Чекмонене учебника литовского языка для нелитовцев *Литовский язык для всех* (*Lietuvių kalba visiems*: Sėkmė 1–5. Vilnius, 1992–1993; второе издание: *Lietuvių kalba visiems* – *Литовский язык для всех*, Vilnius, 1999; адаптированный вариант для поляков – *Język litewski dla każdego*, Kaunas, 1993) и учебного словаря к нему (*Lietuvių-rusų, rusų-lietuvių kalbių žodynas*, Vilnius, 1993; второе издание – 1997). В этом учебнике впервые в Литве был реализован коммуникативный принцип обучения неродному языку. В. Чекман подготовил также комплекс коммуникативных упражнений – предполагалось, что они будут изданы как аудиоприложение к учебнику. К сожалению, этот проект не был завершен, материалы остались неопубликованными.

Вообще в первые годы после восстановления независимости Литвы он сделал очень многое для укрепления позиций литовского языка в общественной жизни страны. Кроме того, постоянно следил за новейшей литературой по вопросам литовского языкоznания и по возможности живо откликался на важнейшие из них обстоятельными рецензиями, тем самым способствуя популяризации литуанистических исследований в мире.

Литуанистикой в широком смысле слова В. Чекман занимался всю жизнь. Литовский материал присутствует в большинстве его публикаций. Среди „литовских“ проектов следует выделить изучение польских говоров в Литве, историю праславянского языка и связанную с ней балто-славянскую проблематику, исследование русских старообрядческих говоров Литвы и лишь в тезисном виде сформулированную идею о существовании балтийского языкового союза (так наз. *Peipus-Bund*).

Одной из первоочередных задач изучения польщизны кресовой в Литве В. Чекман считал выяснение границ распространения польских говоров в Ковенской и Виленской Литве и создание соответствующего социолингвистического атласа. Начало реализации этого проекта положила совместная экспедиция литовских и польских специалистов в юго-восточную Литву, организованная Институтом литовского языка и литературы в октябре 1989 г. (как вспоминал профессор, с первых дней экспедиции он стал ее подлинным идеологом). Материалы этой экспедиции были обобщены в коллективной монографии *Lietuvos rytai* (Vilnius, 1993). Его перу принадлежат две статьи (одна в соавторстве с Л. Грумадене) и карта (как позже выяснилось, предварительная) „Распространение языков в юго-восточной Литве в конце XX в.“ Уточнению, исправлению и детализации этой карты была посвящена вся дальнейшая исследовательская работа профессора: организация и проведение многочисленных экспедиций со студентами и коллегами, создание Центра этнолингвистических исследований белорусско-польского пограничья при кафедре славянской филологии ВУ и др. Результатом этой работы стала проведенная в 1997 г. совместно с Варшавским университетом международная конференция *Socio- i psycholinguistyczne uwarunkowania sytuacji językowej w Wilnie i na Wileńsko-szczyźnie*, около десяти обстоятельных публикаций по различным вопросам функционирования польских говоров в Литве. Однако подлинным достижением и памятником польщизне кресовой является создание многочасовой фонотеки с записями живой польской речи из разных уголков Литвы и Беларуси, а также свидетельств о функционировании польского языка (часто лишь в далеком или недалеком прошлом) в том или ином регионе, записанных полтовски или по-русски.

К глубокому сожалению, исследователю не хватило времени и сил самому обработать и опубликовать собранный материал. Фрагменты запланированного атласа разбросаны по отдельным публикациям, посвященным анализу социолингвистической ситуации в том или ином регионе компактного проживания польскоязычного населения.

Полевые исследования в Литве показали, что происхождение и судьба польскоязычных ареалов, выделенных Г. Турской еще в 30-х гг. XX в., является различной. Если польские острова на территории Виленского края продолжают существовать и в наше время, то многие центры польщизны кресовой в пределах Каунасской Литвы к настоящему времени либо исчезли (как в окрестностях Биейкий), либо находятся на грани исчезновения. Наибольший интерес представляют материалы, в которых отражена языковая ситуация вдоль демаркационной линии 1920 г. Несомненной заслугой В. Чекмана является фиксация и публикация материалов исчезающих либо уже исчезнувших польских говоров, расположенных к северу от этой линии. Важно отметить, что он одним из первых обратил внимание на то, что в распространении польского языка в Восточной Литве значительную (если не решающую) роль сыграла *мелкая шляхта*.

В. Чекман писал, что благодаря изучению польщизны кресовой во многом сформировались его общелингвистические взгляды: „В основе их лежит понимание значимости социолингвистических процессов в возникновении и

распространении языковых изменений, а в конечном итоге – в формировании диалектов и языков, а также их ареальных связей. Славяно-литовское пограничье стало для меня подлинной лабораторией изучения механизмов и результатов языковых контактов“.

Накопленный „польский кресовый“ экспедиционный и исследовательский опыт впоследствии в полной мере был использован при изучении русских старообрядческих говоров Литвы.

Интерес к местным русским говорам у В. Чекмана возник еще в студенческие годы, когда во время вынужденного перерыва в обучении будущий профессор работал учителем в д. Шюленай Игналинского района – одной из зон компактного проживания староверов. В окрестных старообрядческих деревнях тогда он собирал материал для дипломной работы. К сожалению, эта работа не сохранилась.

Серьезный научный интерес к старообрядческим говорам и старообрядчеству как социокультурному феномену появился в связи с созданием в 1996 г. в Вильнюсском университете Интердисциплинарной группы по исследованию старообрядчества Литвы (теперь это Ассоциация исследователей старообрядчества Литвы). На первых порах он вошел в Группу как опытный полевой диалектолог, знаток русских материковых говоров и белорусских и польских говоров в Литве. Большого значения этому проекту (по крайней мере в отношении диалектологии) В. Чекман не придавал, поскольку предполагалось, что говоры старообрядческого населения Прибалтики, во-первых, хорошо документированы и исследованы, а во-вторых, в последнее время сильно разрушены под влиянием как языков титульной нации, так и собственно русского литературного языка. Первая же совместная экспедиция Группы в Северо-восточную Литву летом 1996 г. превзошла все ожидания. Прежде всего поразила сохранность русского говора и его архаичность по отношению к русским материковым говорам. Осознание того, что старообрядческие говоры Литвы во многом отражают состояние русских материковых говоров 200–300-летней давности, а полученный материал позволяет не только проследить механизмы языковых изменений, но и уточнить их абсолютную хронологию, предопределило дальнейшую научную работу. Профессор с присущим ему энтузиазмом и увлеченностью включился в работу и вскоре стал научным идеологом и фактическим руководителем Группы.

За период с 1996 по 2002 гг. он организовал более 10 экспедиций во все зоны компактного проживания староверов на территории Литвы, приграничные районы Латвии и Беларуси, а также в Опочецкий район Псковской области. За это время создана фонотека русских старообрядческих говоров Литвы, в которой хранятся магнитофонные записи диалектной речи на более 400 часов звучания. Усилиями профессора были восстановлены немногочисленные магнитофонные записи 60–70 гг. XX в.

За эти годы он опубликовал более 20 статей, посвященных проблемам формирования старообрядческих говоров Литвы, их связям с русскими материковыми говорами, значению данных старообрядческих говоров для истории русского языка, контактам старообрядческого населения с иноверцами в различных регионах Литвы, – фактически закончил две монографии: одна касается во-

просов социолингвистической (внешней) истории старообрядческих говоров, во второй представлены очерки синтаксиса этих говоров.

Безусловной заслугой В. Чекмана является: 1) обоснование идеи о первичной и вторичной миграциях старообрядческого населения Литвы и формировании зон первичного и вторичного заселения; 2) выделение нескольких зон (Зарасайской, Рокишкской, Игналинско-Видзовской, Йонавской, Швенченско-Лынтупской) и ареалов (Вильнюсского, Радвилишкского и Кельмского) ареалов распространения старообрядческого населения и, соответственно, старообрядческих говоров, каждый из которых характеризуется своими признаками и особенностями контактирования с автохтонным населением; 3) развенчание мифа о новгородско-псковском происхождении старообрядческих говоров Литвы – лингвистические данные позволяют утверждать, что основная масса литовских староверов являются переселенцами из юго-восточной части Псковской области и прилежащих к ней территорий Тверской области. Он также показал, что идея о давнем билингвизме деревенского старообрядческого анклава не имеет фактического основания. Наоборот, столь высокая степень сохранности традиционного говора объясняется именно монолингвизмом основной массы населения и высоким социальным статусом носителей диалекта в глазах окружающих.

Следует отметить, что В. Чекман в середине 90-х гг. первым среди диалектологов-русистов заговорил о необходимости изучения и создания фонотек русских старообрядческих говоров в иноязычном (и инославном) окружении. Затем эта идея была поддержана заведующим отделом диалектологии Института русского языка РАН Л. Л. Касаткиным – в настоящее время исследование русских старообрядческих говоров стало одной из ведущих тем его сектора.

Особое место в научной биографии профессора В. Чекмана занимает история праславянского языка и балто-славянских языковых контактов. Основные работы по этой проблематике были опубликованы во второй половине 70-ых и первой половине 80-ых гг. Исторической фонетике праславянского языка посвящена отдельная монография (1979); основные ее положения легли в основу второй диссертации, защищенной в Московском университете в 1982 г. Активное использование литовского (балтийского) материала позволило В. Чекману по-новому посмотреть на многие „вечные“ темы славянского сравнительно-исторического языкознания. Новизна его работ состояла еще и в том, что он настаивал на необходимость верификации любого положения диахронического исследования типологическими данными.

Научное мышление В. Чекмана всегда отличало удивительное чувство реальности, он видел проблемы раньше, остree, чем кто-либо другой, намечал перспективы дальнейших исследований. По устному признанию профессора, именно „научный беспредел“ в отношении „проверяемости“ тех или иных гипотез в сравнительно-историческом языкознании способствовал тому, что он оставил занятия индоевропеистикой и балто-славянской проблематикой и вернулся к диалектологии, главным образом островной, в зоне интенсивных языковых контактов.

Профессор В. Чекман сделал очень многое для развития гуманитарной науки в Литве. Фактически он создал литовскую (вильенскую) школу славистики, под

его руководством или при его непосредственном участии в качестве консультанта было защищено около десяти докторских диссертаций по различным вопросам культурного наследия Великого Княжества Литовского, славянской этимологии, славянской и литовской диалектологии и др., редактируемый им журнал *Slavistica Vilnensis*, по отзывам зарубежных специалистов, отвечает самым высоким требованиям современной науки.

Валерий Николаевич любил жизнь и любил свою работу и этим чувством щедро делился с окружающими.

Материалы, собранные им во время многочисленных экспедиций и зафиксированные на магнитофонных лентах, неисчерпаемы, будущие исследователи найдут для себя много интересного в незатейливых рассказах „бабушек и дедушек“ о себе и прошлой жизни. Фонотека, созданная руками профессора, на многие годы останется памятником уходящему деревенскому населению Литвы, России, Беларуси, а с ее кассет будут звучать не только живые голоса деревенских жителей, но и живой голос чуткого, заинтересованного собирателя, диалектолога, замечательного ученого, Мастера – Валерия Николаевича Чекмана.

Надежда Морозова
Вильнюс